

УДК 94(5)
ББК 63.3(5)6

Апелляции к прошлому в политике «халифата Исламского государства»

С.В. Голунов

Национальный исследовательский институт мировой экономики
и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН (Москва, Россия)

Appeals to the Past in the Politics of «the Islamic State Caliphate»

S.V. Golunov

Primakov National Research Institute of World Economy and International
Relations RAS (Moscow, Russia)

Анализируется исторический дискурс «халифата Исламского государства» – созданного террористической группировкой квазигосударственного образования, существовавшего с 2014 по 2017 г. (оно не было признано ни одной страной мира; в 2014 г. Верховный Суд РФ запретил деятельность «Исламского государства» в России). Особое внимание уделяется апеллированию идеологов «халифата» к раннеисламскому историческому прошлому в процессе выстраивания системы государственного управления и конструирования «враждебного Другого», а также в контексте территориальной идентичности квазигосударства. Такого рода отсылки к прошлому использовались для конструирования эталонного порядка, которому предписывалось неукоснительно следовать, легитимизировали главенствующую роль идеологов «Исламского государства» как интерпретаторов «эталонности» и для мобилизации своей группы на основе ее противопоставления «враждебному Другому». В процессе конструирования «идеального халифата» прошлого идеологами выхватывались из исторического контекста элементы государственного управления различных периодов, а также конфронтационные и архаические практики в отношениях средневековых мусульманских государств с внешним миром.

Ключевые слова: историческая память, халифат, «Исламское государство», военный джихад, образ врага, территориальные претензии.

DOI 10.14258/izvasu(2020)6-02

«Халифат Исламского государства» – квазигосударственное образование, созданное террористической группировкой в июне 2014 г. и де-факто существовавшее до 2017 г. (оно не было признано ни одной страной мира; в России деятельность

The paper focuses on the historical discourse produced by the “Caliphate of the Islamic State,” a quasi-state that existed from 2014 to 2017 and was created by a terrorist group (it was not recognized by any country in the world; in 2014 the Supreme Court of the Russian Federation banned its activities in Russia). Particular attention is paid to the ways, in which ideologists of the “caliphate” utilized their appeals to the early Islamic historical past in the processes of state-building, constructing “the hostile Other”, and shaping territorial identity of the quasi-state. Such appeals were employed to construct an ideal order to be strictly followed, to legitimize the dominant role the Islamic State’s ideologists as interpreters of this order and to mobilize one’s own group against “the hostile Other”. In the process of constructing the “ideal caliphate” of the past, ideologists took out of historical contexts both various features of those governmental systems that existed in different periods and markedly confrontational archaic practices of medieval Muslim states’ relations with the outside world.

Key words: historical memory, caliphate, “the Islamic State”, military jihad, enemy image, territorial claims.

«Исламского государства» была запрещена в декабре 2014 г. решением Верховного Суда РФ). В период максимальных успехов «халифат», по некоторым оценкам, контролировал сирийские и иракские территории площадью примерно в 105 тыс. км² (сопо-

ставимо с площадью Таджикистана. – С.Г.) с населением около 10 млн чел. (эквивалентно населению Швеции или ОАЭ. – С.Г.) [1], на которой находились крупные и прибыльные нефтяные и газовые месторождения. Для управления захваченными территориями в «халифате» существовал довольно развитый государственный аппарат. Из-за демонстративного игнорирования «Исламским государством» (ИГ) базовых международных норм и санкционирования им тяжких преступлений, «халифат» восстановил против себя обычно расколотое международное сообщество, что в результате привело к быстрому падению этого квазигосударства.

Апелляция к раннеисламскому историческому прошлому играла в идеологии «халифата» ключевую роль. Какое функциональное значение имело обращение к прошлому для правившей верхушки этого квазигосударства? На какие аспекты прошлого делался особый акцент, а какие, напротив, оставались в тени?

В настоящей работе анализируются некоторые ключевые аспекты исторического дискурса и связанные с этим дискурсом практики идеологов и руководителей «халифата Исламского государства». Основная часть настоящей работы состоит из четырех разделов, в первом из которых будут рассмотрены значимые для настоящей работы концептуальные аспекты проблематики исторической памяти. В последующих разделах речь пойдет о различных аспектах обращения идеологов «халифата» к историческому прошлому: о выстраивании системы государственного управления, территориальной идентичности и конструировании «враждебно-Другого».

Концептуальные аспекты исторической памяти

По определению Л. Репиной, историческая память – это «совокупность донаучных, научных, квазинаучных и вненаучных знаний и массовых представлений социума об общем прошлом» [2, с. 42]. Она может отражать как реальные (но в той или иной степени «окрашенные» субъективной интерпретацией), так и сильно искаженные либо вымышленные факты и события.

Функциональная роль исторической памяти отнюдь не сводится лишь к сохранению воспоминаний о прошлом. Она выступает в качестве ключевого компонента групповой идентичности, источника представлений о нормах и ценностях в настоящем, а также ориентиров и идеалов на будущее.

Историческая память может быть как позитивной, так и негативной. В последнем случае акцентированные представления об исторических врагах (в роли которых могут выступать как конкретные, так и абстрактные и даже во многом вымышленные общности) нередко ведут к мобилизации своей группы и ее обособлению от «враждебного окружения».

Особенности формирования исторической памяти во многом определяются ее «конструкторами». Возможны различные классификации последних в зависимости от их социальных статусов, мировоззренческих позиций и т.п. Рядом исследователей подчеркивается, например, особая роль в формировании исторической памяти обладателей статусов «жрецов», ученых, политиков, деятелей искусства и др. (см.: [3]).

Исторические ориентиры системы управления «халифата»

Политика памяти играла для «халифата Исламского государства» ключевую роль. Одним из краеугольных камней идеологии ИГ был отказ от современных политических моделей и возврат к идеальной политической модели раннего ислама. В июне 2014 г. высокопоставленный представитель группировки Абу Мухаммад Аль-Аднани заявил, что сторонники ИГ должны отвергнуть демократию, национализм, секуляризм и прочие западные идеи. Вместо этого обосновывалось восстановление халифата во главе с правителем, сочетающим в одном лице компетенции вождя, богослова и воина, происходящего из рода пророка Мухаммеда и так же, как он, принадлежащего к племени курайшитов [4].

В результате была создана система управления, во главе которой стал сконцентрировавший в своих руках практически неограниченную власть халиф (Абу Бакр аль-Багдади). Законодательной властью стал назначавшийся им из полевых командиров и богословов консультативный совет (шуро). Военный, шариатский и разведывательный советы занимались вопросами управления в соответствующих сферах, а совет помощи координировал оказание поддержки союзным исламистским группировкам за рубежом [5]. Система министерств (диванов) отвечала за широкий круг вопросов в сферах экономики, социального обеспечения, безопасности, общественной морали, религиозного образования и т.д. [1].

Контролировавшаяся «халифатом» территория делилась на два наместничества, в свою очередь подразделявшиеся на 12 провинций (вилаятов). Вместе с тем подвластными «халифату» вилайятами объявлялись и не контролировавшиеся им районы далеко за пределами Ирака и Сирии (например, на Кавказе, в Северной и Западной Африке, Афганистане), в которых действовали присягнувшие на верность «Исламскому государству» террористические группировки [6, с. 175]. Таким образом, «халифат» представлял собой гибридное образование, стремящееся закрепить свое присутствие как в физическом пространстве, так и в качестве организатора опирающихся на коммуникацию в виртуальном пространстве террористических сетей в различных регионах мира. Это обстоятельство дало некоторым авторам возможность объявить «Исламское государ-

ство» проектом более постмодернистским, нежели традиционалистским [7].

Так же, как и сам халифат, упомянутые выше институты управления относились к раннеисламской модели государственного управления. В том виде, в каком ее пыталось «реставрировать» ИГ, данная модель являлась, скорее, собирательным образом практик различных периодов раннеисламской истории, нежели моделью, которая существовала в период правления конкретного халифа. Если институт шуры имел серьезное влияние прежде всего в период «праведных халифов» (позже он это влияние утратил), то институт диванов полноценно развился позже – в период Омейядов.

Та модель управления, которая сложилась в период правления Аббасидов, идеологам «Исламского государства» импонировала на первый взгляд меньше, поскольку ключевая для халифата этого периода должность визиря в исламистском квазигосударстве отсутствовала. Однако именно к аббасидскому периоду, хотя, возможно, ненамеренно, отсылает содержащийся в самом названии «Исламское государство» (ad-Dawlah al-Islāmiyah) термин dawlah. По утверждению авторитетного британского востоковеда Бернарда Льюиса, при Аббасидах данный термин буквально переводился как «перемена» или «очередь», фактически обозначая правившую династию. Лишь в XIX в. современное значение термина dawlah стало преобладающим [8, с. 34–36], но в настоящее время его используют в своих официальных названиях только два государства – Катар и Эритрея.

Как ни парадоксально, одной из главных опор «Исламского государства» в деле реставрации раннесредневекового клерикального порядка оказались бывшие функционеры иракской партии «Баас», которая занимала доминирующее положение во время правления С. Хусейна. После свержения последнего партийные функционеры подверглись преследованиям со стороны нового правительства, нашли в исламистах неожиданных союзников и впоследствии заняли ряд ключевых постов в административном аппарате «халифата» [9]. Столь важная роль бывших функционеров светской партии в строительстве квазигосударства косвенно может свидетельствовать о том, что в процессе конструирования исторической памяти значительную роль играли не только религиозные убеждения идеологов, но и, вероятно, прагматичные политические расчеты тех влиятельных управленцев, которые далеко не обязательно отличались сильной религиозностью.

Территориальная идентичность

В отличие от типичных государственных образований, «халифат» не идентифицировал себя с четкой территорией, обладающей неприкосновенными государственными границами; вместо этого его идеологи предпочитали отождествлять «Исламское го-

сударство» с глобальной мусульманской общиной. Достиженные территориальные рубежи считались лишь временной линией фронта в процессе военного джихада за «освобождение» мусульман за пределами контролируемой «халифатом» территории. Произошедшее в связи с провозглашением «халифата» в июне 2014 г. изменение названия с «Исламское государство Ирака и Леванта» на просто «Исламское государство» преследовало цель избавиться от географической привязки к относительно небольшому региону.

Идеологи «Исламского государства» имели различные мнения относительно пределов территориальной экспансии «халифата». С точки зрения одних, конечной целью должна была бы стать победа «правильной» версии ислама во всем мире, т.е. мировое господство. Другие идеологи прежде всего заявляли притязания на территории, которые когда-либо входили в «мир ислама». Согласно карте таких притязаний, обнародованной рядом СМИ в июне 2014 г., в течение пяти лет «халифат» намеревался взять под контроль Испанию, северную часть Африки, Ближний Восток, Южную Европу, Кавказ, Северное Причерноморье, Крым, Центральную Азию, полуостров Индостан и Западный Китай [10]. Такого рода притязания примерно соответствовали совокупной максимальной территории, которую некогда контролировали как великие исламские империи прошлого (Арабский халифат, империи Тимуридов, Великих Моголов и Османская империя), так и контролирует ряд современных государственных образований с исламской идентичностью (например, Казахстан).

Приемлемость территориальной экспансии обосновывалась идеологами «Исламского государства» (включая самого аль-Багдади) тем, что современные государства нелегитимны, в то время как мерилом легитимности выступает халифат прошлого [7, с. 177], единственным правопреемником которого теперь является «халифат Исламского государства» [11, р. 34]. В числе прочего, признание существующих границ считалось равносильным принятию несправедливого миропорядка, который характеризовался как противоречащий принципам «истинного» ислама и как продукт западного колониализма. Именно в контексте колониализма говорилось об искусственности иракско-сирийской границы: последняя позиционировалась как продукт раздела сфер влияния между Великобританией и Францией, закрепленного в «Соглашении Сайкса-Пико» 1916 г. Хотя созданные «халифатом» на захваченных территориях «провинции» по большей части включали либо только иракские, либо только сирийские территории, отдельные «провинции» (в особенности «провинция Евфрат») пересекали определенную М. Сайксом и Ф. Жорж-Пико часть нынешней

сирийско-иракской границы, чтобы продемонстрировать «упразднение» этой линии [12].

Конструирование враждебного Другого

«Исламское государство» позиционировало себя находящимся в состоянии перманентной войны с многочисленными врагами, стремящимися не допустить торжества «истинного ислама» и тем самым выступающими на стороне «сил зла», «сворачивая» или преследуя «находящихся на правильном пути» верующих, пытаясь сохранить неприемлемый для мусульманского мира неокOLONиальный либо авторитарный светский («тиранический») порядок. Подобно другим суннитским исламистским группам, «Исламское государство» нередко использовало ярлык «крестоносцы» для обозначения западных противников, тем самым апеллируя к принципиальному и закончившемуся победой мусульманского мира противостоянию с Западом в средневековый период.

Апеллируя к эмоциональному состоянию своих сторонников, идеологи заявляли, что появление «халифата» даст верующим освобождение от того состояния позора, бесчестия и унижения, в котором их ранее на протяжении долгого времени держали враги [5]. В данном контексте позиционировалось игравшее роль исторической травмы вышеупомянутое соглашение Сайкса-Пико, которое привело к вытеснению из региона «последнего халифата» – Османской империи [11, p. 34].

Идеологи «Исламского государства» видели в перманентной войне с врагами священную обязанность «халифата». В условиях такой войны провозглашалась уместность применения тех недопустимых с точки зрения современной морали методов, которые, однако, считались более приемлемыми во времена «раннего ислама»: неизбежных убийств населения «враждебных территорий», публичных жестоких казней, пыток, грабежей, захвата рабов, систематического сексуального насилия над пленными женщинами и т.п. Помимо устрашения противника и укрепления специфической идентичности собственной группы, смысл подобных действий некоторые исследователи видели в целенаправленном рекрутировании в ряды активистов лиц с преступными или патологическими наклонностями, поскольку такого рода наклонности получали религиозную санкцию и, следовательно, повышали самооценку лиц, осуществляющих подобные действия [11, p. 34].

«Воспоминание» о такого рода архаических методах и позиционирование их в качестве достойных подражания образцов поведения в настоящем, как минимум, смещало исторические акценты. В ходе завоеваний Арабского халифата его полководцы зачастую отличались большим гуманизмом по сравнению с врагом (например, Византией), а упор, как правило, делался не на террор и запугивание местного населения, а на предоставление покоренным более привлекательных экономических условий и снижение налогового бремени. Акцент на жестокость, запугивание оппонентов и покоренного населения был более характерен для некоторых более поздних мусульманских государств, таких как империя Тимура, Османская империя и (в части терроризма) государства исмаилитов-низаритов (асассинов).

Заключение. В контексте конструирования исторической памяти создатели так называемого «халифата Исламского государства» могут квалифицироваться и как «жрецы», и как «политики» одновременно, которые создавали базировавшиеся на отсылках к раннеисламскому прошлому исторические нарративы, ставшие основой доминирующей идеологии. Идеологизированные отсылки к памяти о «золотом веке» раннеисламского периода и о многовековом противостоянии с врагами имели несколько ключевых функций. Собирательный образ идеального халифата прошлого в интерпретации идеологов «Исламского государства» был тем эталоном, которому предписывалось неукоснительно следовать, а также он легитимизировал главенствующую роль данных идеологов как интерпретаторов «эталонности». Акцентирование внимания на выражено негативном опыте взаимоотношений с «чужаками» служило цели сплочения и мобилизации своей группы.

Как и в других подобных случаях, сконструированный в идеологических целях образ прошлого отражал прошедшие реалии в искаженном виде. В частности, «идеальный халифат» отображал избирательно выхваченные из контекста элементы государственного управления различных периодов, а в отношениях с внешним миром особый упор делался на выражено конфронтационные и архаические, но неконструктивные практики завоевателей раннеисламского периода.

Библиографический список

1. Jones S. et al. Rolling Back the Islamic State // RAND Corporation. 2017. URL: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/research_reports/RR1900/RR1912/RAND_RR1912.pdf.

2. Репина Л.П. Историческая память и современная историография // Новая и новейшая история. 2004. № 5.
3. Соколова М.В. Что такое историческая память // Преподавание истории в школе. 16.03.2010. URL: <http://pish.ru/blog/archives/142>.
4. ISIS Declares Islamic Caliphate, Appoints Abu Bakr Al-Baghdadi as 'Caliph', Declares All Muslims Must Pledge Allegiance to Him // The Middle East Media Research Institute, 1.07.2014. URL: <https://www.memri.org/reports/isis-declares-islamic-caliphate-appoints-abu-bakr-al-baghdadi-caliph-declares-all-muslims>.
5. Краснов Ю.К. Феномен ДАИШ. Генезис, социальная база и цели Исламского государства // Публичное и частное право. 2016. № 2.
6. Федорченко А.В., Крылов А.В. Феномен «Исламского государства» // Вестник МГИМО-Университета. 2015. Т. 2, № 41.
7. Mishra P. How to Think about Islamic State // Guardian, 24.07.2015. URL: <https://www.theguardian.com/books/2015/jul/24/how-to-think-about-islamic-state>.
8. Lewis B. The Political Language of Islam. Chicago; London, 1988.
9. McBride M. "Unforced Errors": ISIS, the Baath Party, and the Reconciliation of the Religious and the Secular // Politics, Religion & Ideology. 2019. Vol. 20. № 2.
10. Hall J. The ISIS Map of the World: Militants Outline Chilling Five-Year Plan for Global Domination as They Declare Formation of Caliphate – and Change Their Name to the Islamic State // Daily Mail. 30.06.2014. URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-2674736/ISIS-militants-declare-formation-caliphate-Syria-Iraq-demand-Muslims-world-swear-allegiance.html>.
11. Fedorov E. The Islamic State of Iraq and Al-Sham: The Group's Nation-Building Project Through the Instrumental Use of Violence // McGill Journal of Political Studies. Winter 2016.
12. Crethi Plethi. ISIS's Financial and Military Capabilities. 2015. URL: <http://www.crethiplethi.com/isis-s-financial-and-military-capabilities/islamic-countries/syria-islamic-countries/2015>.